

И.Е. Троицкий

**Последние годы Св. Григория
Богослова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
И11

И11 **И.Е. Троицкий**
Последние годы Св. Григория Богослова / И.Е. Троицкий – М.: Книга
по Требованию, 2015. – 49 с.

ISBN 978-5-518-07140-7

Христианское чтение, 1863, II, с. 147-193.

ISBN 978-5-518-07140-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

богоугодныхъ, вопросъ обо мнѣ почитайте второстепеннымъ. Чѣмъ ни кончится мое дѣло, хотя осуждаютъ меня напрасно, это не заслуживаетъ вниманія такого собора. Устремите мысли свои къ тому, что важнѣе, соединитесь, скрѣпите, наконецъ, взаимныя узы любви. Долго ли будутъ смѣяться надъ нами, какъ надъ людьми неукротимыми, которые научились одному только—дышать ссорами? Подайте съ усердіемъ другъ другу десницу общенія. А я буду пророкомъ Іоною, и хотя невиновенъ въ бурѣ, жертвую собою для спасенія корабля. Возьмите и бросьте меня по жребію. Какойнибудь гостепріимный китъ въ морскихъ глубинахъ дастъ мнѣ убѣжище. А вы съ этой минуты положите начало своему единомыслію, потомъ простирайтесь и къ прочему. Пусть мѣсто сіе назовется мѣстомъ *пространства* (Быт. 26, 22). Это и для меня обратится въ славу. А если на мнѣ останетесь, то сіе будетъ для меня безчестіемъ. Даю законъ стоять за законы. Если вы станете держаться такого образа мыслей, ничто для васъ не будетъ трудно. Я не радовался, когда восходилъ на престоль, и теперь схожу съ него добровольно. Къ тому убѣждаетъ меня и тѣлесное мое состояніе. Одинъ за мною долгъ—смерть; все отдано Богу. Но забота моя о Тебѣ единственно, моя Троица! О если бы имѣть Тебѣ защитникомъ какойнибудь языкъ благообученный, по крайней мѣрѣ исполненный свободы и ревности! Прощайте и вспоминайте о трудахъ моихъ (1)!”

Но, и протистившись съ добровольно оставленнымъ престоломъ и удалившись въ свой Аріанзъ, св. Гри-

(1) Твор. св. Гр. Бог. т. VI, стр. 63.

горій не могъ забыть Константинополя, св. Анастасіи и своихъ тамошнихъ друзей и почитателей. Мысль добровольнаго изгнанника часто возвращалась къ мѣсту и свидѣтелямъ его подвиговъ, и любила привѣтствовать изъ дальняго уединенія знакомыя мѣстности, дорогія лица и памятные сердцу сцены. Въ этихъ воспоминаніяхъ часто изливается вся скорбь наболѣвшаго чувства благороднѣй, любящей души, незаслуженно оскорбленной въ самыхъ лучшихъ своихъ привязанностяхъ. Эта скорбь восходитъ до высокой поэзіи въ его знаменитомъ стихѣ о храмѣ Анастасіи, который былъ для него дороже всего на свѣтѣ (¹).

Жгучее чувство скорби по оставленнымъ друзьямъ, дорогимъ мѣстамъ и сценамъ не покидало св. Григорія до конца жизни, хотя своимъ недругамъ и завистникамъ онъ давно простилъ въ своей душѣ нанесенную ему обиду. Въ своей довольно обширной перепискѣ съ своими знакомыми и друзьями онъ постоянно возвращается съ чувствомъ грустнаго сожалѣнія къ доброму былому времени, когда онъ жилъ вмѣстѣ съ своими покинутыми друзьями въ дорогомъ для него Константинополѣ. „Если кто - пишетъ онъ къ одному изъ своихъ друзей, — изъ общихъ нашихъ друзей (а ихъ, какъ увѣренъ я, много) спросить у тебя: гдѣ теперь Григорій? Что дѣлаетъ? Смѣло отвѣчай, что любомудрствуетъ въ безмолвіи, столько же думая объ обидчикахъ, сколько и о тѣхъ, о комъ неизвѣстно ему, существовали ли когда. Такъ онъ непреодолимъ. А если тотъ же человѣкъ еще спросить тебя: какъ же онъ переноситъ разлуку съ друзьями? то не отвѣчай уже смѣло, что

(¹) Сопъ о храмѣ Анастасіи г. IV, стр. 329 — 333.

любомудрствуетъ, но скажи, что въ этомъ очень малодушествуетъ. Ибо у всякаго своя слабость; а я слабъ въ отношеніи къ дружбѣ и друзьямъ, въ числѣ которыхъ и достойный удивленія Амазоній. Однимъ только, можетъ быть, услужишь мнѣ и сдѣлаешь, что менѣ буду скорбѣть о тебѣ, а именно, если станешь о мнѣ помнить, и увѣришь письмами, что это дѣйствительно такъ⁴. (1).

Печальное настроеніе духа увеличивалось еще у св. Григорія отъ того приема, который онъ встрѣтилъ на родинѣ. Ни высокій нравственный характеръ, ни великія заслуги его для Церкви вообще и для назіанзской въ особенности не спасли св. Григорія отъ участи всѣхъ великихъ людей, добровольно или поневолѣ сходящихъ съ того пьедестала, на которомъ привыкла видѣть ихъ толпа. Она мгновенно отворачивается отъ нихъ и вмѣсто прежней лести и раболѣпства награждаетъ ихъ или полнымъ равнодушіемъ, или — что еще хуже — обиднымъ состраданіемъ и покровительствомъ, за которыми скрывается худо маскируемое злорадованіе. По видимому, она мститъ имъ такимъ образомъ за ихъ неизмѣримое превосходство передъ нею. Таже участь постигла и св. Григорія, по возвращеніи его на родину. „Прекрасное и подлинно божественное слово изрекъ нѣкогда Богъ, что всякій пророкъ кажется достойнымъ чести только на чужой сторонѣ; а извѣстное, всего чаще, не признается достойнымъ и чести. (Марк. 6, 4). Тоже самое, и еще большее, очевиднымъ образомъ случилось теперь и со мною (2)⁴. „Спрашиваешь, каковы мои дѣ-

(1) Письмо 82 къ Амазонію.

(2) Къ себѣ самому, том. VI, стр. 87—88,

ла? пишетъ онъ Прокопію. — Отвѣчу тебѣ, рассказавъ одну исторію. Говорятъ, что аеиняне, когда притѣсняли ихъ тираны, отправили посольство къ лакедемонянамъ; и цѣлю посольства было возбудить тамъ къ себѣ нѣкоторое челоувѣколюбіе. Потомъ, когда послы возвратились, и нѣкто спросилъ ихъ: каковы къ намъ лакедемоняне? — они отвѣчали: „какъ къ рабамъ весьма милостивы, а какъ предъ свободными весьма надменны.“ Это и я долженъ написать. Со мною обходятся челоувѣколюбивѣе, нежели, какъ съ людьми отверженными, но презрительнѣе, нежели, какъ съ людьми, готовящимися предстать предъ Бога (1).“

Время добровольнаго изгнанника въ Аріанзѣ дѣлилось между заботами о своемъ крайне разстроенномъ здоровьѣ и обычными занятіями: аскетическими подвигами, сочиненіями и перепискою съ разными лицами, преимущественно друзьями и знакомыми.

Давно уже постоянные труды и подвиги и административные, и аскетическіе, въ соединеніи съ постоянными же горестями жизни потрясли здоровье св. Григорія. А послѣднія, перенесенныя имъ испытанія вмѣстѣ съ преклонной старостью, довершили дѣло прежнихъ лѣтъ. Разбитымъ физически и нравственно старцемъ прибылъ онъ въ свой Аріанзъ. Для поддержанія угасавшей жизни необходимо было лечиться, — и св. Григорій не пренебрегалъ доступными въ его положеніи средствами къ поправленію своего здоровья. Первымъ и самымъ дѣйствительнымъ врачевнымъ средствомъ считалъ онъ молитву. И потому почти все, написанное имъ въ это время, или прямо заключаетъ въ себѣ мо-

(1) Письмо 108 къ Прокопію, стр. 207.

литвенное обращеніе къ единому Врачу душъ и тѣ-
лесь, или отпечатлѣно духомъ молитвеннаго настроенія.

„Стражду отъ болѣзни и изнемогаю тѣломъ.... Раз-
слабли мои члены и ноги ходятъ не твердо... Но за-
прети болѣзни, запрети словомъ твоимъ; твое слово для
меня спасеніе! А если не запретишь; дай мнѣ терпѣніе
всѣ переносити. Пусть тля и достанется тлѣ; соблюди
образъ: тогда будешь имѣть во мнѣ и совершеннаго
раба.“

„Укрѣпи меня Христе! Отъ чего расслабъ я — твой
служитель! Бездѣйственъ языкъ, Тебя пѣснословящій;
и Ты допускаешь сіе? Возстанови меня, и не отринь
своего священника“ (1)!

Но не пренебрегалъ знаменитый страдалецъ и обык-
новенными средствами для облегченія своихъ болѣзнен-
ныхъ страданій. Съ этою цѣлію онъ, если позволяло
время года и стояла хорошая погода, удалялся въ поле
или лѣсъ, чтобы пользоваться чистымъ воздухомъ и
спокойствіемъ отъ всѣхъ житейскихъ тревоженій, а то
и другое ему въ его положеніи было очень полезно:
послѣ этихъ прогулокъ онъ чувствовалъ себя свѣжѣе
и спокойнѣе и съ удвоеннымъ усердіемъ принимался за
свои обычные труды. „Я провожу время среди поля
вдали отъ жилыхъ мѣстъ и тамъ поправляю тѣлесное
свое здоровье“ — писалъ онъ въ своемъ письмѣ къ Вик-
тору (2). „Вчера, сокрушенный своими скорбями, — го-
ворить онъ въ другомъ мѣстѣ, — сидѣлъ я одинъ, вда-
ли отъ людей, въ тѣнистой рощѣ, и снѣдался серд-
цемъ. — Въ страданіяхъ люблю я такое врачевство, и

(1) Томъ V. стр. 6, молитва въ болѣзни.

(2) Письмо 154.

охотно бесѣдную наединѣ съ своимъ сердцемъ. Вѣтерки жужжали и, вмѣстѣ съ поющими птицами, съ древесныхъ вѣтвей ниспосылали добрый сонъ даже и слишкомъ изнемогшему духомъ. — А на деревьяхъ любимцы солнца, сладкозвучные кузнечики изъ музыкальныхъ гортаней оглашали весь лѣсъ своимъ щебетаньемъ. Неподалеку была прохладная вода, и, тихо струясь по увлажненной ею рошѣ, омывала мои ноги. Но мною такъ же сильно, какъ и прежде, овладѣвала скорбь. Ничто окружающее не развлекало меня, потому что мысль, когда обременена горестями, нигдѣ не хочетъ встрѣтить утѣшенія. И я, увлекаемый круженіемъ парящаго ума, видѣлъ въ себѣ такую борьбу противоположныхъ помысловъ.⁴

Тѣнистая роща навѣяла на св. Григорія скорбныя думы о коловратности всего земнаго и непроницаемомъ мракѣ, скрывающемъ отъ ума человѣческаго тайну этой коловратности, о крайней бѣдности, безсиліи и ничтожествѣ самаго человѣка. Эти мрачныя думы были разсѣяны свѣтлой, успокоивающей мыслию, что непроницаемая тьма, скрывающая отъ человѣка и міръ и его самого въ неразрѣшимомъ сплетеніи противорѣчій, разрѣшится наконецъ въ тотъ великій день, когда будутъ сняты покровы со всѣхъ тайнъ. „Къ чему приведешь ты меня, зломудренный языкъ? Гдѣ прекратятся мои заботы? Остановись. Все ниже Бога. Покорствуй Слову. Не напрасно (возобновлю опять пѣснь) сотворилъ меня Богъ. Отъ нашего малодушія такая мысль. Теперь мракъ, а потомъ дастся разумъ, и все уразумѣешь, когда будешь или созерцать Бога, или горѣть въ огнѣ.“

„Какъ скоро воспѣлъ мнѣ сіе любезный умъ, утоли-

лась моя скорбь. Поздно пришелъ я домой изъ тѣнистой рощи, и иногда смѣюсь надъ разсуждающими иначе, а иногда, если умъ въ борьбѣ съ самимъ собою, томлю скорбію сердце (1).“

Кромѣ этихъ прогулокъ по полямъ и лѣсамъ св. Григорій предпринималъ болѣе отдаленныя путешествія на канксаридскія воды (2) и въ одну обитель, гдѣ была тоже купальня (3). Крайнее разслабленіе, которое онъ чувствовалъ особенно въ ногахъ, не позволяло ему совершать этихъ путешествій иначе, какъ на носилкахъ. Въ подобныхъ случаяхъ за нимъ ухаживалъ кто нибудь изъ немногихъ оставшихся у него родныхъ (4). А дома во время болѣзненныхъ припадковъ прислуживала ему одна благочестивая женщина, посвятившая себя, какъ видно изъ письма св. Григорія къ Кастору (5), вообще дѣламъ милосердія.

Но и во время болѣзни, какъ и въ минуты облегченія отъ нея, св. Григорій жилъ не для себя, а для другихъ. Въ его довольно большой и довольно разнообразной перепискѣ съ разными лицами, которую онъ велъ въ послѣдніе годы своей жизни, мы видимъ, что онъ постоянно откликался на всѣ важнѣйшіе вопросы своего времени и спѣшилъ принимать участіе во всѣхъ нуждахъ и близкихъ и неблизкихъ ему лицъ. Первое мѣсто между всѣми его заботами принадлежало св. Церкви, какъ ей же принадлежало и первое мѣсто въ его

(1) Слово 10-е о человѣч. природѣ, т. IV, стр. 258, 263.

(2) Письмо 112.

(3) Письмо 160 къ Олимпію. Обители этой св. Григорій не называетъ по имени.

(4) Тамъ же.

(5) Письмо 183.

сердцѣ. Зорко слѣдилъ онъ за всѣми ея врагами и чутко отзывался на каждую ея нужду.

Такъ, вскорѣ по прибытіи своемъ въ Арианъ, онъ принялъ на себя управленіе назіанзскою церковію (1). Очень немного дошло до насъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ св. Григорія во время этого послѣдняго временнаго управленія его назіанзскою церковію (2); но мы увѣрены, что и теперь, какъ въ былое время крѣпкаго мужества, онъ не упускалъ изъ виду ни одной полезной мѣры, которая могла бы содѣйствовать благу его церкви. Изъ писемъ его мы узнаемъ, что въ это время онъ велъ дѣятельную борьбу съ аполлинаристами, которые особенно начали распространяться и усиливаться къ концу его жизни. Ловкіе и рѣшительные еретики, воспользовавшись одной изъ поѣздокъ св. Григорія на кеанксаридскія воды, добыли себѣ своего епископа въ Назіанъ. Имъ подслужились этой услугой два проѣзжавшіе мимо епископа, „позложенные на Вселенскомъ восточномъ и западномъ соборѣ“, какъ выражается св.

(1) Изъ писемъ св. Григорія видно, что онъ не сразу по возвращеніи изъ Константинополя въ Арианъ принялъ на себя управленіе назіанзскою церковію. Въ письмѣ къ епископу тѣанскому Теодору онъ говоритъ: «поелику вы изъявляли свое неудовольствіе, порицая мое удаленіе, и самъ я не могъ перенести упрековъ, какіе дѣлалъ мнѣ всякой, время было тяжелое, угрожало намъ нашествіемъ враговъ къ общему вреду всей Церкви; то наконецъ побѣжденъ я, и сознаю надъ собою побѣду болѣзненную для тѣла, но не худую, можетъ быть, для души. Отдаю Церкви это смиренное тѣло, пока будетъ оно въ силахъ, признавая для себя лучшимъ скорѣе потерѣть что нибудь во плоти, нежели страдать духомъ и приводить въ страданіе многихъ, которые возымѣли о мнѣ худое мнѣніе, потому что сами страдаютъ.» Письмо 90, стр. 196 — 197.

(2) Въ первый разъ онъ управлялъ ею при жизни отца, въ качествѣ его помощника, а послѣ его смерти (374 год.) и до отбытія своего въ Константинополь (378 г.) самостоятельно.

Григорій въ письмѣ къ Олимсію (1). И св. Григорій вступилъ съ ними въ рѣшительную борьбу. Но эта борьба въ соединеніи съ непріятностями, которыя заставилъ его испытать епископъ кесарійскій Елладій, и интригами, которыя вели противъ него его ближайшіе помощники и сослуживцы, слишкомъ тяжело отозвалась на больномъ и дряхломъ старцѣ, — и онъ сталъ просить епископовъ, чтобы сняли съ него бремя управленія этою церковію, сдѣлавшееся ему не по силамъ.

„Свидѣтельствуюсь предъ Богомъ и предъ избранными Ангелами, пишетъ онъ къ епископу тѣанскому Θεодору, что сія паства Божія несправедливо страдаетъ, оставаясь безъ пастыря и безъ епископа, по причинѣ моего омертвѣнія, потому что меня держитъ болѣзнь, вдругъ удалила отъ дѣлъ церковныхъ, и теперь ни къ чему я негоденъ, непрестанно нахожусь при послѣднемъ дыханіи, и еще болѣе обременяюсь дѣлами... Позаботься о своей (2) церкви, какъ самъ заблагоразсудишь, и не презри ее въ разстроенномъ состояніи, котораго она не заслужила. Не говорю уже о прочемъ; что сдѣлали ей и чѣмъ угрожаютъ возставшіе нынѣ аполлинаристы, освѣдомься объ этомъ отъ господъ сопресвитеровъ моихъ, отъ хореепископа Евлалія и отъ Келевсіа, которыхъ съ намѣреніемъ послалъ я къ твоему благоговѣнію. Остановить это не моимъ уже дѣтамъ и не моею немощи... (3)“.

„Да престанетъ входить—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ къ тому же Θεодору—въ изслѣдо-

(1) Письмо 111. стр. 211. Это былъ второй вселенскій соборъ.

(2) Епископъ Тѣанскій былъ митрополитъ церковнаго округа, къ которому принадлежала и назіанзская церковь;—вотъ почему св. Григорій называетъ ее—его церковію.

(3) Письмо 124.

ванія о моихъ дѣлахъ господинъ мой, боголюбивѣйшій епископъ Елладій, ибо доискивается сего не духовными средствами, но околичностями, показывающими сварливость, не по строгости церковныхъ правилъ, но въ удовлетвореніе гнѣву, что обнаруживаютъ время и многое, вмѣстѣ со временемъ приведенное въ дѣйствіе безъ всякаго къ тому основанія. Если бы я имѣлъ столько тѣлеснаго здоровья, чтобы могъ править церковію въ Назіанзѣ; то я не на столько жалокъ и несвѣдущъ въ божественныхъ постановленіяхъ, чтобы сталъ или презирать Церковь, или гоняться за удобствами жизни, имѣя въ виду награды, какія уготованы трудящимся по Богу и употребляющимъ въ дѣло ввѣренный имъ талантъ (¹).

„Когда оставивъ чужую сторону — говоритъ св. Григорій

(¹) Письмо 139. Снося довольно неопредѣленные намеки этого письма объ интригѣ, которую велъ противъ св. Григорія Елладій, съ другими мѣстами въ его сочиненіяхъ, можно догадываться, что Елладій не вѣрилъ разстройству здоровья св. Григорія и подъ рукой узнавалъ, дѣйствительно ли онъ такъ боленъ, какъ говоритъ и какъ можно заключать по его частымъ отлучкамъ на теплыя воды. Притомъ есть причины думать, что св. Григорій едва ли не изъ Аріанза управлялъ назіанзскою церковію. Это было тѣмъ легче, что Аріанзъ былъ очень близко отъ Назіанза, а для больного и разстроеннаго святителя было тѣмъ удобнѣе, что здѣсь у него былъ родительскій домъ, садикъ, вблизи роши и источники... Но крайней мѣрѣ ни въ одномъ письмѣ, ни въ одномъ сочиненіи, написанномъ св. Григоріемъ за послѣднія семь лѣтъ его жизни, онъ не говоритъ, чтобы жилъ въ Назіанзѣ; тогда какъ онъ часто говоритъ о своемъ домѣ въ Аріанзѣ. При томъ сохранилось одно письмо къ еп. тіанскому Θεодору, въ которомъ св. Григорій приглашаетъ этого епископа на праздникъ мучениковъ и «для разсужденія о дѣлахъ церковныхъ» въ Аріанзѣ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что св. Григорій чаще жилъ въ Аріанзѣ, чѣмъ въ Назіанзѣ. Все это вмѣстѣ взятое подавало поводъ многочисленнымъ недоброжелателямъ св. Григорія, въ томъ числѣ и Елладію, толковать, что онъ подъ предлогомъ болѣзни заботится только объ удобствахъ жизни и вовсе не радитъ о церкви, управленіе которой на себя принялъ. Тв. Св. Гр. Б. т. IV. стр. 286, т. V. стр. 285, т. VI. стр. 221—222.